

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт

права и экономики ФСИН»

г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/r-74295

**РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ПЕРЕХОДНЫЙ (ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ) ПЕРИОД
(1918 - НАЧАЛО 1920-х гг.): ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ
И ПОПЫТКИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ**

***Аннотация:** в статье предпринимается попытка объяснить противоречия религиозной жизни заключенных в 1917 – начале 1920-х гг. Главной причиной назревающего социального конфликта был отказ советского руководства реализовать право заключенных на свободу вероисповедания. Разрыв ценностей между тюремным населением, стремившимся сохранить привычный религиозный уклад, и тюремной администрацией, реализовывавшей антицерковную политику советского правительства, привел к глубокому кризису советской пенитенциарной системы. Подавляя религиозные чувства, советская уголовная доктрина на первых порах не смогла предложить достойную альтернативу религиозному воспитанию заключенных.*

***Ключевые слова:** религиозная жизнь заключенных, антирелигиозная пропаганда, советская власть, атеизм, религиозность тюремного населения.*

Вопрос о религиозной жизни населения в период утверждения советской власти слабо изучался отечественной исторической наукой, несмотря на достаточно высокий уровень религиозности российского общества. Религия рассматривалась как антипод советскому образу жизни, а религиозность – как проявление невежественности. В.И. Ленин называл религию «утонченным ядом для угнетенных масс» [4, с. 21]. Борьба с религией всячески приветствовалась и счи-

талась «благородной деятельностью» [6, с. 3]. Лишь в постсоветский период историческая наука получила возможность вернуться к изучению «белых пятен» отечественной истории посредством более свободного доступа к архивным документам. Небывалый общественный интерес к национальным религиозным традициям дал толчок для начала исследований в этом направлении.

Еще более печально складывалась ситуация по изучению религиозной жизни заключенных. В советский период отсутствовала конфессиональная статистика осужденных. Массовая небрежность ведения документации на местах не дает шансов объективным образом оценить ни динамику, ни содержание религиозной жизни заключенных. Выстроить относительно общую картину можно только на основе официальных решений правительства, воспоминаний работников правоохранительной системы и самих заключенных.

Буквально сразу после прихода к власти большевики начали масштабную антирелигиозную кампанию. Первые декреты советской власти аннулировали особый правовой статус церкви, связанный с выполнением государственных функций. Запрещались любая деятельность церкви в публично-правовой сфере [3]. В свою очередь, Конституция 1918 г. открыла простор для антирелигиозной пропаганды. Распространение религиозных идей расценивалось как антисоветская активность и предполагала уголовную ответственность.

Между тем, на практике реализовать советские начинания было сложно. Тюремное население в подавляющем большинстве оставалось религиозным. Показательным примером является обращение, адресованное на имя председателя СНК В.И. Ленина, с просьбой не оскорблять церковь и православный народ. В письме автор религиозные чувства верующих сравнивал с национальной святыней. Он не только напоминал о необходимости сохранения религиозных ценностей, но предостерегал советское руководство от возможных негативных последствий дальнейшей антицерковной пропаганды. Она, по мысли автора, сопоставима с «опасной игрой с огнем», которая выльется в стихийные протесты, что в итоге приведет к национальной катастрофе [1].

На начало 1920-х 65% заключенных по своему социальному происхождению составляли крестьяне, сохранявшие православное мировоззрение. Представители иных социальных групп (мещане, купечество, дворяне) также поддерживали религиозное родство. Россия, несмотря на революционные катаклизмы, оставалась страной господства традиционных ценностей, где религия являлась основой повседневного мира. По мнению Б.Н. Миронова, «избыточная религиозность» была характерна не только для деревни, но и для малых городов [5, с. 331–333].

С учетом вышеизложенного можно предполагать, что примерно 85–90% заключенных на начало 1920-х гг. не утратили связь с религиозной общиной. Эта цифра коррелируется с данными последней переписи населения 1897 г., которая вообще не выявила ни одного атеиста. Наибольшие конфессиональные общины Российской империи составляли православные (69,3%), мусульмане (11,1%) и католики (9,1%) [8].

Примерно в таких пропорциях распределялось и тюремное население. В таком состоянии они перешли и в состав советской уголовно-исполнительной системы. Однако, если старая пенитенциарная система опиралась на единство национального сознания, которое оставалось религиозным как для тюремных служащих, так и для заключенных, то новая базировалась на совершенно новых принципах и представляла новую модель функционирования государственных органов. Между тюремными служащими и тюремным населением возникал огромный разрыв в восприятии происходящих событий. Если заключенные по-прежнему жили религиозными стереотипами, то тюремные служащие обязаны были демонстрировать (хотя бы внешне) отказ от церкви.

Работа большевиков по подавлению религиозных чувств заключенных не давала ожидаемых результатов. Предложенная альтернатива в форме различных бесед с заключенными на предмет повышения их политической грамотности вызвала неприятие. Ситуация усугублялась определенной растерянностью начальников тюремных учреждений из-за отсутствия новых циркуляров по ис-

полнению богослужений в местах лишения свободы. Прежняя Тюремная инструкция 1915 г., которая регламентировала порядок совершения религиозных культов, не действовала. Юридическая неурегулированность создавала почву для скрытого сопротивления тюремной администрации и в итоге могла привести к дестабилизации тюремного режима [7, с. 111].

Обострению проблемы способствовал высокий уровень смертности среди заключенных. В лагерях принудительных работ в 1921 г. он составлял 12,7%. При среднемесячной норме 50 тыс. заключенных в течение года там умерло 6383 человек [9, с. 74]. Ухудшение санитарно-бытовых условий, рост смертности тюремного населения вызывал отторжение советских лозунгов и одновременно служил благодатной почвой для обострения религиозных чувств. В 1923 г. управление местами заключения было вынуждено обратиться в Наркомат юстиции за разъяснениями по вопросу совершения религиозных культов в местах лишения свободы. В официальном ответе указывалось, что приглашение священников в места лишения свободы возможно при условии, если не затрагиваются религиозные чувства других граждан [9, с. 75].

Однако на практике реализовать решение Наркома юстиции оказалось невозможным, так как отдельный циркуляр по совершению религиозных культов в тюремных учреждениях не был разработан. Практического воплощения письмо Наркомата юстиции не могло иметь в принципе, поскольку приглашение священников ставило под удар членов тюремных инспекций и начальников учреждений. Они должны были доказать целесообразность присутствия священнослужителей в тюремном учреждении. Известный исследователь советской пениitenciарной системы М.Г. Детков в этой связи справедливо заметил, что реорганизация системы мест заключения на новых концептуальных принципах происходила очень сложно и имела противоречивый характер [2, с. 170]. По его мнению, отсутствие понимания перспективы развития системы исполнения уголовных наказаний имело негативную реакцию со стороны тюремного персонала, который до конца не понимал происходящих перемен и не всегда воспринимал ведомственные инструкции.

Таким образом, после Октябрьского переворота в тюремных учреждениях начало расти социальное напряжение, вызванное разрывом между потребностью сохранения и поддержания религиозной жизни заключенных и новыми задачами уголовно-исполнительной системы, которая посредством тюремных служащих должна была бороться с влиянием церкви. Выходом из кризиса могла стать определенная идеологическая и воспитательная альтернатива, способная вытеснить религиозность общественного сознания.

Список литературы

1. Архив Александра Н. Яковлева. Док. №16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1013412> (дата обращения: 20.12.2019).
2. Детков М.Г. Тюремь, лагеря и колонии в России – М.: Вердикт-1М, 1999. – 448 с.
3. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 23.01.1918 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_181.htm (дата обращения 18.08.2016).
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 20. – М.: Госполитиздат, 1965. – 583 с.
5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. – Т. 1. – СПб.: Дм. Булавин, 1999. – 548 с.
6. Настольная книга атеиста / под ред. С.Д. Сказкина. – М.: Политиздат, 1987. – 431 с.
7. Павлушков А.Р. Русская православная церковь и пенитенциарная система в новейший период истории России: монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2017. – 251 с.
8. Перепись населения Российской империи 1897 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1290713> (дата обращения: 03.02.2017).
9. Уголовно-исполнительная система. 125 лет / под общ. ред. Ю.Я. Чайки. – М.: Объединенная ред. УИС Минюста России, 2004. – 288 с.